

ФИЛОСОФИЯ

(шифр научной специальности: 5.7.8)

Научная статья

УДК 130.2

doi: 10.18522/2070-1403-2025-112-5-37-44

ПАТРИОТИЗМ КАК ФЕНОМЕН ХРИСТИАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ПО РАБОТАМ РУССКИХ РЕЛИГИОЗНЫХ МЫСЛИТЕЛЕЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.)

© Елена Юрьевна Положенкова¹, Андрей Михайлович Руденко²

^{1, 2}*Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) Донского государственного технического университета в г. Шахты, г. Шахты, Россия*

¹*polozhenkovae@mail.ru* ²*amrudenko@list.ru*

Аннотация. Рассматривается философская рефлексия патриотизма как феномен христианской культуры (по работам русских религиозных мыслителей второй половины XIX – начала XX вв.). Отмечено, что в современной ситуации противостояния новой российской концепции консервативных ценностей и идеологии западного либерализма идеи русских религиозных мыслителей обретают особую актуальность. Показано, что обращение к истокам размышлений русских религиозных мыслителей о сущности патриотизма приводит к доктрине официальной народности. Однако анализ интерпретаций данного феномена в творчестве Ф.М. Достоевского, В.С. Соловьёва, Н.А. Бердяева свидетельствует о том, что они, признавая патриотизм высокой духовно-нравственной ценностью и личностным чувством, в той или иной степени пересматривают содержание основных компонентов триады С.С. Уварова и его единомышленников.

Ключевые слова: патриотизм, религиозная философия, христианство, православие, христианский универсализм, консерватизм.

Для цитирования: Положенкова Е.Ю., Руденко А.М. Патриотизм как феномен христианской культуры (по работам русских религиозных мыслителей второй половины XIX – начала XX века) // Гуманитарные и социальные науки. 2025. Т. 112. № 5. С. 37-44. doi: 10.18522/2070-1403-2025-112-5-37-44

PHILOSOPHY

(specialty: 5.7.8)

Original article

Patriotism as a phenomenon of Christian culture (based on the works of Russian religious thinkers of the second half of the 19th – early 20th centuries)

© Elena Yu. Polozhenkova¹, Andrey M. Rudenko²

^{1, 2}*Institute of Service and Entrepreneurship (branch) Don State Technical University in Shakhty, Shakhty, Russian Federation*

¹*polozhenkovae@mail.ru* ²*amrudenko@list.ru*

Abstract. This article is devoted to the philosophical reflection of the phenomenon of patriotism in Russian religious and philosophical thought in the second half of the XIX – early. XX centuries. The ideas of Russian religious thinkers are gaining particular relevance in modern conditions of confrontation with the new concept of conservative values in Russian ideology and the ideology of Western liberalism. An appeal to the origins of the reflections of Russian religious thinkers on the essence of patriotism leads to the doctrine of official nationality. However, an analysis of the interpretations of this phenomenon in the works of F.M. Dostoevsky, V.S. Solovyov, N.A. Berdyaev indicates that, recognizing patriotism as a high spiritual and moral value and personal feeling, to one degree or another revise the content of the main components of the triad of S.S. Uvarov and his associates.

Key words: patriotism, religious philosophy, Christianity, Orthodoxy, Christian universalism, conservatism.

For citation: Polozhenkova E.Yu., Rudenko A.M. Patriotism as a phenomenon of Christian culture (based on the works of Russian religious thinkers of the second half of the 19th – early 20th centuries). *The Humanities and Social Sciences*. 2025. Vol. 112. No 5. P. 37-44. doi: 10.18522/2070-1403-2025-112-5-37-44

Введение

Философская рефлексия феномена патриотизма актуализируется в последние годы в связи с теми глобальными вызовами, на которые Россия вынуждена отвечать. Гибридная война, в которую оказалась втянутой Россия, несёт прямую угрозу её суверенитету, а также способствует распространению ценностей не только чуждых русской культуре, но целенаправленно разрушающих её. В Указе Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» не случайно особое место занимают «патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу» [12]. В этой связи опыт философского осмысления феномена патриотизма русскими религиозными мыслителями второй половины XIX – начала XX вв., являющийся предметом исследования в данной статье, имеет большое теоретическое и практическое значение.

Традиционно патриотизм определяется как чувство любви к Родине, которое раскрывается в любви к отечественной культуре, её истории и национальным традициям, природе, языку, религии, искусству, семейным ценностям и т.д. Однако философский рефлексивный анализ позволяет выявить различные смысловые значения данного феномена и как идеологического явления и как духовной ценности личности и народа. Многообразие смысловых интерпретаций понятия патриотизма обнаруживается и в русской философской мысли, в которой его осмыслению уделяется особое внимание. Данный факт вполне закономерен, если учесть, что стержнем русского философствования в разные эпохи стала проблема культурной самоидентификации России и основание самобытности её культуры и исторического развития.

Эти проблемы находят отражение уже в древнерусской мысли, вплетённой в единый духовный комплекс религиозных, нравственных, эстетических представлений и идеалов, например, в «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона или же «Поучении» Владимира Мономаха. Эти же проблемы становятся своего рода катализатором «философского пробуждения» в 30–40 гг. XIX столетия, когда русская философия становится самостоятельной духовной деятельностью и дисциплинарной областью. Раскрытие самобытности русской культуры и исторического развития России с необходимостью приводит отечественную философскую мысль к осмыслению места и роли православия в русской истории и культуре и формированию религиозной философии.

В религиозно-философской мысли, рассматривающей православие в качестве основы самобытности русской культуры, феномен патриотизма становится предметом особой рефлексии. И здесь возникает закономерный вопрос, а совместимо ли христианское вероучение с идеей патриотизма? Не возникает ли противоречие между универсальным, или вселенским характером христианства и патриотизмом как феноменом, имеющим партикулярный характер? С одной стороны, для христианина вся Вселенная – Родина, но с другой стороны, сам факт объективного существования различных народов, культур, государств приводит христианское сознание к мысли о том, что это не случайное явление – оно имеет высший трансцендентный смысл. Тогда возможно каждый народ, каждая культура имеет своё особое предназначение. А если это так, то нужно попытаться постичь Божий замысел, чтобы понять себя. Не удивительно, что В.С. Соловьёв, а вслед за ним и другие русские философы, пытаются понять: «что Бог помыслил о России», то есть замысел Божий, воплотившийся в русской национальной идее.

Известный русский религиозный мыслитель и историк культуры Г.П. Федотов приходит к выводу о том, что признание религиозного смысла национальной идеи вытекает из двух важных предпосылок – признания, прежде всего, религиозной сущности культуры и существования множественности «культурных путей спасения» [13, с. 447]. Он находит религиозное обоснование идеи множественности культурно-исторических путей к Богу в евангельских текстах. Интерпретируя символику сошествия духа Святого в виде множества огненных языков на Апостолов на пятидесятый день после воскресения Христова, Г.П. Федотов видит в них знаки, которые указывают на многообразие культурно-исторических земных пу-

тей в Царствие Божие. «Многоязычность рождающейся Церкви несёт в себе оправдание и осмысление природно-языческого многообразия мира...» [13, с. 447–448]. Одно из подтверждений уникальности национальных призваний мыслитель находит в уникальности культур, языков, произведений искусства, в которых таятся тончайшие оттенки, нетранслируемые в другие культуры.

Однако не только существование различных народов и культур, но и место, и время рождения каждого человека – это тоже объективная реальность, поскольку родину, как и родителей, человек не выбирает. Он рождается в определённое время и в определённом месте, и, видимо, любовь к Отечеству в значительной степени обуславливается этим фактом. Не скрывается ли и за этой видимой случайностью некий «судьбоносный божественный смысл»? В этом контексте современный исследователь Т.В. Беспалова рассуждает следующим образом: «Например, Богу было угодно придать моей отчизне конкретный земной облик, дать моему народу именно это пространство, следовательно, я, рожденный в России, буду служить ей верой и правдой, – таков смысл религиозного патриотизма» [2, с. 71]. Таким образом, вселенский характер христианства вполне органично сочетается с партикуляризмом и христианским патриотизмом. При всей своей универсальности христианство имеет национальный, а не интернациональный характер.

При этом христианский универсализм имеет ещё один чрезвычайно важный аспект: в нём выражается христианский гуманизм, столь отличный от гуманизма Ренессанса. Христианское гуманистическое начало заключается не только в равенстве всех народов перед Богом, для которого «нет ни эллина, ни иудея», но также в признании равной нравственной ценности всех представителей рода человеческого, каждой человеческой личности. Вместе с тем признание одинаковой нравственной ценности всех народов и отдельных людей совсем не отрицает многообразие различий между ними. Люди различаются по самым разным критериям: месту рождения, этническому происхождению, социальному и имущественному положению, с точки зрения здоровья или наличия тех или иных болезней, степени одарённости в той или иной области, нравственным качествам, внешним характеристикам и т.д. И все эти различия – факты реальности. В христианстве нравственное равенство отдельных людей и целых народов утверждается скорее, несмотря на различия между ними.

Итак, вселенский характер христианства неотделим от идеи личностного и национально-культурного многообразия народов, за которым скрывается многообразие национально-культурных «путей спасения». В свою очередь, эта идея является предпосылкой признания органичной связи феномена патриотизма и христианского мировоззрения.

Обсуждение

Ещё до философского пробуждения 30–40-х гг. XIX столетия, в конце XVIII в. в русской идеологической сфере феномен патриотизма оказывается представленным в таком общественно-политическом и идеологическом направлении, как консерватизм. Причём первоначально проблема патриотизма обсуждается в неофициальных консервативных воззрениях М.М. Щербатова, Н.М. Карамзина и других мыслителей и общественно-политических деятелей. Их идеи представляют собой своеобразную реакцию на социально-политические, культурные и идеологические изменения, которые имели место в результате петровской европеизации России и привели к радикальной ломке традиционной культуры и традиционного уклада жизни [6]. Как известно, для консервативного направления характерна ориентация на сохранение и развитие традиционной самобытной русской культуры, то есть на определённую систему ценностей, включающую патриотизм, религию, самодержавное государственное устройство, иерархическую социальную структуру, нацию как коллективное целое, и семью.

Несколько позднее, как реакция на неофициальный консерватизм М.М. Щербатова, Н.М. Карамзина и их единомышленников, формируется официальная доктрина консерватизма, представленная в знаменитой уваровской триаде: «православие-самодержавие-народность», и известная как концепция официальной народности. В её разработке наряду с мини-

стром просвещения, графом С.С. Уваровым принимают участие такие мыслители и общественно-политические деятели как М.П. Погодин, С.П. Шевырев, Н.Г. Устрялов.

Хотя в этой триаде православие занимает первое место, но этот приоритет весьма формален. На самом деле основой для идеологов русского консерватизма является самодержавие как исторически сложившийся социально-политический устой российского общества. Народность понимается как единство царя и народа, как его политическая преданность самодержавию. Обращение к народности показывает, что монархическая власть и национальный дух русского народа представляют собой органичное целое [6].

Однако создатели официальной доктрины народности прекрасно понимают, что именно православие является глубинной основой духа русского народа, тем фактором, который оказал определяющее влияние на формирование русского менталитета и национального характера. К тому же христианская догматика рассматривается как религиозное обоснование самодержавия, важное для поддержания в народных массах преданности ему. Именно эти соображения определяют формальный приоритет православия в уваровской формуле официальной народности. При этом, как известно, в данный исторический период Русская Православная Церковь переживает обременительную синодальную зависимость, превратившись в часть государственной системы, управляемой государственными чиновниками.

Русские религиозные мыслители в какой-то степени опираются на теорию официальной народности, но вместе с тем значительно пересматривают её. Одной из основополагающих идей в работах русских религиозных мыслителей, исследующих феномен патриотизма, является идея двух Отечеств – небесного и земного. В ней выражается сущность православного патриотизма, заключающаяся в том, что служение Родине имеет смысл, прежде всего, при условии служения Богу. Одним из первых её формулирует протоиерей Иоанн Кронштадтский: «Люби отечество земное... оно тебя воспитало, отличило, почтило, всем довольствует; но особенно люби отечество небесное... то отечество несравненно дороже этого, потому что оно свято и праведно, нетленно. Это отечество заслужено тебе бесценной кровью Сына Божия» [14, с. 17]. Таким образом, Иоанн Кронштадтский акцентирует внимание на том, что отечество земное предваряет отечество небесное и заслуживает любви, ибо в нём человек воспитывается, получает возможность духовного возрастания для жизни вечной в отечестве небесном. Подобные мысли также можно обнаружить в работах Ф.М. Достоевского, И.А. Ильина, Н.А. Бердяева, С.Р. Булгакова.

Ценностный приоритет служения отечеству небесному определяет мессианский характер патриотизма в воззрениях русских религиозных философов, исторические корни которого обнаруживаются в известном послании инок Филофея «Москва – третий Рим». Так, Ф.М. Достоевский видит Россию фактически последней страной, сохранившей подлинное вероучение Иисуса Христа [3, с. 46]. В этой связи, с точки зрения писателя и мыслителя, у русского народа есть великое мессианское предназначение – воссоединить все народы в «великой общей гармонии... по Христову евангельскому закону» [4, с. 145]. При этом он подчёркивает, что каждый народ не должен утратить его духовную, национально-культурную самобытность. «Стать настоящим русским... может быть и значит, стать братом всех людей, всечеловеком...» [4, с. 145]. Эта мысль, на наш взгляд, достаточно очевидно свидетельствует о том, что мессианское предназначение русского народа Достоевский видит не в его исключительности или превосходстве над другими народами, а, наоборот, в его бескорыстном служении, жертвенности ради всеобщего воссоединения в истинной христианской вере.

Однако Н.А. Бердяев, признающий мессианскую роль русского народа, уделяющий много внимания экспликации понятия мессианизма, подчёркивает противоречивость русского мессианского сознания. С его точки зрения, в нём присутствует ярко выраженная антиномия между христианским универсализмом и русским национализмом, которая характерна для идей славянофилов и Ф.М. Достоевского. Проявление национализма в творчестве Ф.М. Достоевского он видит в том, что великий русский писатель, проповедуя «всечеловека и вселенский христи-

анский дух», «травил поляков и евреев, отрицал за Западом всякие права быть христианским миром» [1, с. 301]. Н.А. Бердяев всячески подчёркивает заслугу В.С. Соловьёва, обличавшего националистический акцент в творчестве славянофилов, «национальный эгоизм» в русской культуре XIX столетия. Так, например, в «Русской идее» В.С. Соловьёв, комментируя приготовления в российском обществе к торжественному празднованию девятисотлетия крещения Руси, резко критикует новое идолослужение, под которым понимает «эпидемическое безумие национализма» [9, с. 198].

При этом В.С. Соловьёв подчёркивает неразрывную связь патриотизма и объединения человечества в лоне христианской церкви, в чём он солидарен с Ф.М. Достоевским: «Мы должны любить все народности, как свою собственную. Этою заповедью утверждается патриотизм как естественное и основное чувство, как прямая обязанность лица к своему ближайшему собирательному целому, и в то же время это чувство освобождается от зоологических свойств народного эгоизма и национализма...» [10, с. 89]. Трудно не согласиться с В.С. Соловьёвым в утверждении глубокой связи подлинного патриотизма и универсального христианского гуманизма. Однако, на наш взгляд, представляется неправомерным усмотрение национализма в критике западного христианства и определённых аспектов западноевропейской культуры И.В. Киреевским, А.С. Хомяковым, Ф.М. Достоевским и другими русскими мыслителями.

Их критическая рефлексия сущности и истоков западноевропейского рационализма и индивидуализма связана именно с исследованием тех метаморфоз, которые исторически происходят в западном христианстве. Данная рефлексия рассматривается в целом ряде исследований, в том числе в наших работах [5; 7; 8]. Метаморфозы в Западной Церкви и её вероучении, оказавшие значительное влияние на формирование европейской культуры, свидетельствуют о глубоких искажениях первоначального христианства в католицизме и протестантизме и отсутствии подобных отступлений в православии. Данное обстоятельство инициирует выводы славянофилов о перспективах раскрытия духовного потенциала русской православной культуры.

Итак, несмотря на критику В.С. Соловьёвым и Н.А. Бердяевым воззрений славянофилов и Ф.М. Достоевского, их взгляды близки в признании связи подлинного патриотизма и мессианского назначения России, призванной объединить народы и государства на христианской почве. Вместе с тем и саму христианскую основу этого объединения, и связь патриотизма с отношением к государству и народу данные русские религиозные мыслители понимают по-разному.

В отличие от Достоевского, убеждённого в неразрывной связи самодержавия и народа, народа и православия, Соловьёв, как известно, критикует православие за догматизм и подчинённость светской власти. Не случайно первое лицо в его теократическом обществе будущего – это вселенский первосвященник (непогрешимый глава священства), то есть Римский Папа. Далее, мыслитель отвергает связь патриотизма с требованием веры в народ. Он считает это требование ложным, близким требованию служить толпе, что противоречит и религиозному чувству и человеческому достоинству. Только Бог достоин подлинного служения, народ же только в той мере, в которой он служит Богу [10, с. 25].

Русский философ подвергает критике российскую абсолютную монархию за «ложный абсолютизм национального государства», считая, что статус государства возвеличен до статуса Абсолюта. Государство в социально-мистической иерархии занимает не своё место, а место Бога. Данной социальной структуре он противопоставляет теократический идеал общества будущего, который создаёт по аналогии с божественной Троицей. В этой связи он заключает: «Христианская Россия, подражая самому Христу, должна подчинить власть государства (царственную власть Сына) авторитету Вселенской Церкви (священству Отца) и отвести подобающее место общественной свободе (действию Духа)... Восстановить на земле этот верный образ божественной Троицы – вот в чём русская идея» [9, с. 203–204]. Гармо-

ничное взаимодействие трёх главных действующих лиц социальной жизни, по Соловьёву, является основополагающим условием подлинного прогресса.

Во многом осмысление феномена патриотизма В.С. Соловьёвым близко воззрениям Н.А. Бердяева, по крайней мере, его критическая рефлексия официального православия и самодержавия. Это неудивительно, если вспомнить, что базовой категорией в концептуальных построениях Н.А. Бердяева является категория свободы, которой крайне не достаёт, с его точки зрения в официальном православии и русской самодержавной монархии. При этом саму природу патриотизма русский философ понимает иррационалистично, как особое «дорассудочное» чувство, важнейшее в жизни человека. Причём это чувство безусловное, оно не зависит от сильных или слабых сторон твоей Родины, близко по своей природе религиозной вере.

Понимание Бердяевым патриотизма неразрывно связано с его концепцией антиномизма русской культуры, согласно которой целый ряд антиномий пронизывает различные стороны национальной жизни. Первая из них выражает противоречивое отношение русского народа к государству, который, с одной стороны, является «крайне аполитичным, анархичным, безгосударственным». С другой стороны, Россия представляет собой «самую государственную и бюрократическую страну в мире». Русский мыслитель отмечает, что русский народ создал «величайшую империю, могущественнейшее государство», на созидание, поддержание и укрепление которого уходили почти все его силы. Однако постепенно российская государственность превратилась в самодовлеющее бюрократическое начало, живущее по своим особым законам, отчуждённое от народа.

Вторая чрезвычайно значимая антиномия русского сознания выражает его отношение к национальности. Данная антиномия представляет собой единство двух взаимоисключающих тезисов: «Россия – самая не шовинистическая страна в мире, и Россия – самая националистическая страна в мире»... Обоснование тезиса Бердяев видит в том, что в русских людях есть «какое-то национальное бескорыстие, жертвенность, не свойственная западным народам», отвращение к национализму... [1, с. 299]. Однако при этом, с точки зрения русского мыслителя, для России характерны проявления крайнего национализма, выражаемые в угнетении других национальностей, их русификации, и даже церковный национализм – почитание себя единственной христианской страной в мире.

Осознавая всю глубину антиномичности русской культуры, мыслитель задаётся вопросом: как же русский человек должен относиться к своей русской земле? «Любить свою землю, любить во всех её противоречиях, со всеми её грехами и недостатками. Без любви к своей земле человек бессилён что-либо сотворить...» [1, с. 311]. Таков ответ Н.А. Бердяева, таков итог его размышлений о патриотизме и душе России. Будущее Родины он видит в достижении некоего синтеза тезисов и антитезисов вышеуказанных антиномий. «Россия с её аскетической душой должна быть великой и могущественной...» [1, с. 312]. Иначе говоря, родную страну он видит сильным, могущественным, подлинно христианским государством, прежде всего, духовным союзом свободных христиан.

Выводы

Первое. Методологической основой философской рефлексии феномена патриотизма в русской религиозно-философской мысли второй половины XIX – начала XX вв. является обоснование внутренней согласованности вселенского характера христианства и национально-культурного партикуляризма, эпифеноменом которого выступает патриотизм как личностное чувство и социокультурная ценность.

Второе. Обращение к истокам размышлений русских религиозных мыслителей о сущности патриотизма приводит к доктрине официальной народности, разработанной представителями официального консерватизма в первой половине XIX века. Однако анализ интерпретаций данного феномена в творчестве Ф.М. Достоевского, В.С. Соловьёва, Н.А. Бердяева свидетельствует о том, что они, признавая патриотизм высокой духовно-нравственной ценностью и личностным чувством, в той или иной степени пересматривают содержание

основных компонентов триады С.С. Уварова. Опираясь на идею «двух отечеств» Иоанна Кронштадского, русские мыслители акцентируют внимание на религиозной христианской основе государственности, недопущении национализма, уважении к другим народам и культурам.

Третье. Данные идеи русских религиозных мыслителей являются ценным вкладом в развитие новой концепции консервативных ценностей в современной российской идеологии, противостоящей западной идеологии либерализма.

Список источников

1. Бердяев Н.А. Душа России / Русская идея. М.: Республика, 1992. С. 295–312.
2. Беспалова Т.В. Религиозный патриотизм в христианской парадигме // Философия права. 2009. № 5. С. 68–75.
3. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т.23. Л.: 1972–1990. 423 с.
4. Достоевский Ф.М. Пушкин (очерк) / Русская идея. М.: Республика, 1992. С. 136–146.
5. Зеньковский В.В. Ф.М. Достоевский, Владимир Соловьёв, Н.А. Бердяев / Русская идея. М.: Республика, 1992. С. 295–312.
6. Минаков А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж: 2011. 560 с.
7. Положенкова Е.Ю. Соотношение религиозной философии и христианского богословия в русской религиозно-философской мысли XIX – нач. XX вв. Новочеркасск: Лик, 2009. 230 с.
8. Рожковский В.Б. Реконструкция идей И.В. Киреевского о специфике русской религиозно-философской мысли // Наследие И.В. Киреевского. Опыты философского осмысления. Ростов-на-Дону: Наука. Пресс, 2006. С. 15–41.
9. Соловьёв В.С. Русская идея / Русская идея. М.: Республика, 1992. С. 185–204.
10. Соловьёв В.С. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. М.: 1990. 573 с.
11. Соловьёв В.С. Собрание сочинений. СПб.: 1911–1914. Т. V. 9. С. 484.
12. Указ президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/>
13. Федотов Г.П. Национальное и Вселенское / О России и русской философской культуре. М.: Наука, 1990. С. 444–450.
14. Черкесова Е.А. Идея патриотизма в русской религиозной мысли конца XIX – начала XX веков // Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 6. С. 264–273.

References

1. Berdyaev N.A. The Soul of Russia / The Russian Idea. M.: Respublika, 1992. P. 295–312.
2. Bespalova T.V. Religious Patriotism in the Christian Paradigm // Philosophy of Law. 2009. No. 5. P. 68–75.
3. Dostoevsky F.M. Complete Works: In 30 Volumes. Vol. 23. L., 1972–1990. P. 423.
4. Dostoevsky F.M. Pushkin (Essay) / The Russian Idea. M.: Respublika, 1992. P. 136–146.
5. Zenkovsky V.V. F.M. Dostoevsky, Vladimir Solovyov, N.A. Berdyaev / The Russian Idea. M.: Respublika, 1992. P. 295–312.
6. Minakov A.Yu. Russian Conservatism in the First Quarter of the 19th Century. Voronezh, 2011. 560 p.
7. Polozhenkova E.Yu. The Relationship of Religious Philosophy and Christian Theology in Russian Religious and Philosophical Thought of the 19th – Early 20th Centuries. Novocherkassk: Lik, 2009. 230 p.

8. *Rozhkovsky V.B.* Reconstruction of I.V. Kireevsky's Ideas on the Specificity of Russian Religious and Philosophical Thought // The Legacy of I.V. Kireevsky. Experiences of Philosophical Understanding. Rostov-on-Don: Nauka. Press, 2006. P. 15–41.
9. *Solovyov V.S.* The Russian Idea / The Russian Idea. M.: Respublika, 1992. P. 185–204.
10. *Solovyov V.S.* Poems. Aesthetics. Literary Criticism. M., 1990. 573 p.
11. *Solovyov V.S.* Collected Works. SPb., 1911–1914. Vol. V. 9. P. 484.
12. Decree of the President of the Russian Federation No. 809 of November 9, 2022 “On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values”. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/>
13. *Fedotov G.P.* National and Universal / About Russia and Russian Philosophical Culture. M.: Nauka, 1990. P. 444–450.
14. *Cherkesova E.A.* The Idea of Patriotism in Russian Religious Thought of the Late 19th – Early 20th Centuries // Humanities and Social Sciences. 2015. No. 6. P. 264–273.

Статья поступила в редакцию 01.07.2025; одобрена после рецензирования 16.07.2025; принята к публикации 17.07.2025.

The article was submitted 01.07.2025; approved after reviewing 16.07.2025; accepted for publication 17.07.2025.